

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.1>

Демченко Александр Иванович

[На волне расцвета русской детской литературы. Лев Кассиль](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/1.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 7-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

In memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.1>

Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

На волне расцвета русской детской литературы. Лев Кассиль

Мы все хорошо знаем то, что стало преддверием расцвета русской детской литературы, который начался столетие назад, в 1920-е годы. Преддверие это разворачивалось в русской литературной классике XIX века и хронологически выглядело следующим образом:

- басни И. Крылова;
- некоторые произведения В. Жуковского;
- сказки А. Пушкина;
- «Конёк-Горбунок» П. Ершова;
- автобиографические повести и сказка «Аленький цветочек» С. Аксакова;
- рассказы «Муму» и «Бежин луг» И. Тургенева;
- стихи о детях и для детей Н. Некрасова;
- автобиографическая трилогия Л. Толстого;
- «Каштанка» А. Чехова.

Однако специально для детей и непосредственно адресованную соответствующей аудитории литературу начали, в сущности, создавать в России только с начала 1920-х годов. Среди её зачинателей были Владимир Маяковский, Самуил Маршак и Корней Чуковский. И это то, что вскоре стало восприниматься классикой:

- «Что такое хорошо и что такое плохо», «Кем быть?», «Сказка о Пете, толстом ребёнке и о Симе, который тонкий» Маяковского;
- стихи «Сказка о глупом мышонке», «Багаж», «Мяч», «Пудель», «Почта», «Вот какой рассеянный», «Усатый-полосатый» и повесть в стихах «Мистер Твистер» Маршака;
- книга «От двух до пяти» и стихотворные сказки «Мойдодыр», «Тараканище», «Муха-Цокотуха», «Чудо-дерево», «Бармалей», «Федорино горе», «Телефон», «Айболит» Чуковского.

Несколько позднее эту эстафету подхватили Аркадий Гайдар (повести и рассказы «Р.В.С.», «На графских развалинах», «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», «Тимур и его команда»), Агния Барто (книги стихов «Мишка-воришка», «Девочка-рёвушка», «Девочка чумазая», «Игрушки», «На заставе», «Дом переехал», «Верёвочка», «Фонари», «Первоклассница», «Стихи детям»), Борис Житков (рассказы «Чёрная махалка», «Дяденька», «Джарылгач», «Про обезьянку», «Кружечка под ёлочкой», «Белый домик», «Мангуста», «На льдинке»), Виталий Бианки (книги «Лесная газета на каждый год», «Страна зверей», «Наши птицы», «Клуб колумбов», сборники рассказов «Заячьи хитрости», «По следам», «Нечаянные встречи»), Михаил Пришвин (повесть «Жень-шень», повести-сказки «Кладовая солнца», «Корабельная чаша», роман-сказка «Осударева дорога»), Сергей Михалков (стихи «А что у вас?», «Про мимозу», «Фома», «Весёлый турист», «Мы с приятелем вдвоём...», «Три товарища», «Весёлое звено», поэма «Дядя Стёпа»).

К этому необходимо присоединить и такие замечательные образцы прозы для детей, как «Детство Никиты» Алексея Толстого (ему же принадлежит книга «Золотой ключик, или Приключения Буратино»), «Ташкент – город хлебный» Александра Неверова, «Три толстяка» Юрия Олеши, «Красные дьяволята» Павла Бляхина, «Республика Шкид» Григория Белых и Алексея Пантелеева, «Белеет парус одинокий» и «Сын полка» Валентина Катаева, «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, сказки Павла Бажова «Малахитовая шкатулка».

В этот необычайно многообразный спектр первых десятилетий советской детской литературы свои краски внёс и Лев Кассиль.

***

Писатель *Лев Абрамович Кассиль* (1905-1970) родился в слободе Покровской (позднее город Покровск, ныне Энгельс), учился там вначале в царской гимназии, затем в советской Единой трудовой школе, а после

того – в одной из школ Саратова и наконец – в Художественно-практическом институте при Художественном музее имени А. Н. Радищева. Литературную деятельность начал рано, с 1925 года.

Во многих его повестях и рассказах действие происходит на волжских берегах, начиная с одного из первых опубликованных произведений – «Изустный период в городе Покровске». А затем последовал цикл рассказов «Есть на Волге утёс» и целый ряд других его вещей, которые будут названы ниже.

В первой его большой творческой удаче, автобиографической дилогии «Кондуит и Швамбрания», без всяких околичностей сразу же обозначено место действия – Покровская слобода, и многократно упоминается город на другом берегу Волги – Саратов. Этой своей книгой писатель навеки прославил маленький заволжский город, каким он был в 1910-е годы. Кассиль живописует его очень колоритно.

В открытые окна рвалась визгливая булга торговков. Пряная ветошь базара громоздилась на площади. Хрумяк жвачка сотрясала торбы распряжённых лошадей... Возы молитвенно простирали к небу оглобли. Снедь, рухлядь, бакалея, зелень, галантерея, рукоделие, обжорка... Тонкокорые арбузы лежали в пирамидках, как ядра в кинокартине «Севастопольская оборона».

Картина эта шла за углом в синематографическом электротееатре «Эльдорадо». Кинематограф всегда окружали козы. У афиши, расклеенных на мучном клейстере, наслись целые стада.

Город Покровск раньше был слободой. Слобода была богатая. На всю Россию торговала хлебом. На берегу Волги стояли громадные амбары. Миллионы пудов зерна хранились в этом амбарном городке. Тучи голубей закрывали солнце. Зерно грузили на баржи. Маленькие буксирные пароходы выводили громадные баржи из бухты, как выводит мальчик-поводырь слепца.

Болота и грязь затопляли слободские улицы. Так жили в слободе Покровской, в семи верстах от Саратова. Не одна галоша захлебнулась в лужах, не один резиновый бот затонул на главной улице Покровска.

Рассказывая о замысле своей знаменитой дилогии, писатель утверждал, что в городе его детства, который был типичной российской глубинкой, при желании удавалось открыть немало чудесного: «*Не надо было никуда бежать, не надо было искать обетованную землю. Она здесь, около нас.*»

Действительно, какой богатейший материал дала ему Покровская слобода, но вместе с тем какой цепкой памятью и писательским мастерством нужно было обладать, чтобы поведать обо всём так ярко и талантливо. Несомненно, свою роль в этом сыграла глубокая привязанность к родным местам, в чём Кассиль признавался не раз: «*Много мне приходилось ездить по белу свету, но, где бы я ни был, всегда меня тянет на Волгу, в саратовские края... На каких бы морях и реках я ни был, перед моими глазами всегда плывёт полноводная, бескрайняя громада родной Волги.*»

В городе Энгельсе именем Льва Кассиля названа одна из улиц и открыт Литературный дом-музей Л. А. Кассиля. Присущая писателю удивительная склонность к выдумке дала основание установить ему в городе его детства памятник «Фантазёр», где Лев Кассиль изображён молодым мечтателем с лопухом на голове (2006, скульпторы К. Матвеева, А. Садовский и др.).

Из множества его произведений сосредоточим внимание на тех, которые имеют прямое касательство к Поволжью.

***

«**Кондуит**» и «**Швамбрания**» – две автобиографические повести, написанные одна за другой и позднее объединённые в дилогию (1928-1931). В них с большим остроумием рисуется жизнь двух мальчиков-братьев в семье и вне дома. Вне дома – это прежде всего в дореволюционной гимназии, а затем в школе первых лет Советской власти. Попутно в призме детского восприятия затрагиваются социально значимые события Первой мировой войны и двух революций 1917 года.

В конечном счёте суть книги состоит в стремлении маленьких героев вырваться из будней повседневности и скучной жизни взрослых в мир фантазии и свободного волеизъявления, что позволяет удовлетворить свойственную детскому возрасту потребность в приключениях и путешествиях.

С самого начала найден превосходный тон рассказа – весело, легко, «играючи», с великолепным чувством юмора.

Вечером 11 октября 1492 года Христофор Колумб, на 68-й день своего плавания, заметил вдали какой-то движущийся свет. Колумб пошёл на озонёк и открыл Америку.

Вечером 8 февраля 1914 года мы с братом отбывали наказание в углу. На 12-й минуте братишку, как младшего, помиловали, но он отказался покинуть меня, пока мой срок не истечёт, и остался в углу. Несколько минут затем мы вдумчиво и осязательно исследовали недра своих носов. На 4-й минуте, когда носы были исчерпаны, мы открыли Швамбранию.

Для Лёвы и его младшего брата Оськи открылась эпоха бесконечно изобретательных игр в таинственную страну Швамбранию. При этом важнейшая из затей состояла в войнах с соседними «странами».

Войны в Швамбрании начинались так. Почтальон звонил с парадного входа дворца, в котором жил швамбранский император.

- *Распишитесь, ваше императорское величество, – говорил почтальон. – Заказное.*
- *Откуда бы это? – удивлялся император, мусоля карандаш.*

Почтальоном был Оська, царём – я.

– Почерк вроде знакомый, – говорил почтальон. – Кажись, из Бальвонии, от ихнего царя.

– А из Кальдонии не получалось письма? – спрашивал император.

– Пишут, – убеждённо отвечал почтальон, точно копируя нашего покровского почтальона. (Тот всегда говорил «пишут», когда его спрашивали, есть ли нам письма.)

– Царица! Дай шпильку! – кричал затем император.

Вскрыв шпилькой конверт, император Швамбрании читал:

«Дорогой господин царь Швамбрании!

Как вы поживаете? Мы поживаем ничего, слава Богу, вчера у нас вышло сильное землетрясение, и три вулкана извергнулись. Потом был ещё сильный пожар во дворце и сильное наводнение. А на той неделе получилась война с Кальдонией. Но мы их разбили наголо и всех посадили в Плен. Потому что бальвонцы все очень храбрые и герои. А все швамбраны дураки, хулиганы, галахи и вандалы. И мы хотим с вами воевать. Мы Божьей милостью объявляем в газете вам манифест. Выходите сражаться на Войну. Мы вас победим и посадим в Плен. А если вы не выйдете на Войну, то вы трусы, как девчонки. И мы на вас презираем.

Передайте поклон вашей мадам царице и молодому человеку наследнику.

*На подлинном собственной ногой моего величества отпечатано каблуком
Бальвонский Царь».*

(Использованное здесь слово *галах* на волжских землях означало *босяк, оборванец, попрошайка*, вообще никчёмный человек, занимающийся бродяжничеством и воровством.)

Параллельно приключениям в стране Швамбрании с исключительной красочностью описывается происходящее в Покровской гимназии. Это бесконечная череда всевозможных шалостей и проделок, происшествий забавных и не очень, когда, например, повествуется о «весёлом» изуверстве, царившем в среде гимназистов, и уместным становится выражение *и смех, и грех*.

Дрались постоянно. Дрались парами и поклассно. Отрывали совершенно на нет полы шинелей. Ломали пальцы о чужие скулы. Дрались коньками, ранцами, свинчатками, проламывали черепа. Старшеклассники дрались нами, первоклассниками. Возьмут, бывало, маленьких за ноги и лупят друг друга нашими головами. Впрочем, были такие первоклассники, что от них бегали самые здоровые восьмиклассники.

Меня били редко: боялись убить. Я был очень маленький. Всё-таки раза три случайно валялся без сознания.

***

Большая дистанция, отделяющая нас от времени написания этой книги, позволяет нам усмотреть достаточно явные параллели между подобными гимназическими «смертоубийствами» и теми устрашающими побоищами взрослых, которые повели свой отсчёт в XX столетии с Первой мировой войны.

Другая параллель невольно возникает в ходе развёртывания хроники «войны», объявленной гимназистами учителям. Это живо напоминает охвативший страну того времени пафос раскрепощения и разгорающееся пламя классовых битв. При этом маленькие бунтари дифференцировали своих «врагов» на особо ненавистных и более или менее терпимых.

Среди первых были директор (ему дали прозвище Рыбий Глаз) и надзиратель (Цап-Царапыч). Среди вторых – инспектор, которого «*гимназисты почти любили*» и у которого были «*свои собственные методы воспитания*». Разбирая какое-либо «преступление» класса, он приходил после уроков, держал гимназистов стоя около часа, а затем спокойно отчитывал следующим образом.

– Ну-с! Что, болваны? Доостолопились, хулиганы, брандахлысты, голодранцы! При всей честной гимназии ошельмуя, головотяпы! Шарлатаны, лодыри. Стыдно небось, обормоты? Мерзавцы, оборванцы! Я ещё доберусь до вас, прохвосты. Сидите вот теперь всем классом без обеда. А дома-то обед ждёт. Щи горячие. Говядина жареная. Что? Хочется жрать? То-то и оно-то. А дома ещё батька зад взгреет. Обязательно. Я записку специальную пошлю: спустите, дескать, вашему сыну штаны и всыпьте ему в задний кондуит по первое число...

И, поговорив так около часа, отпуская домой. По одному, с промежутками. Нас уже не держали ноги.

Приведённая сцена свидетельствует о том, что раскрепощённости нравов сопутствовала полная раскованность речевого изъяснения, и заодно приходится только поражаться изобретательности писателя на этот счёт и тому, насколько исключительной сочности языка он добивается.

В этой сочности многое приперчено экзотикой сугубо слободского происхождения, включая соответствующие «смачные» выражения. Характерен эпизод, когда Лёва, будучи первоклашкой, познакомился с девочкой и бравитует молодечеством на манер взрослых парней.

– Вы дворников боитесь? – спросила она.

– Неохота связываться, – сказал я басом, – а так я чихал на них левой ноздрёй через правое плечо.

В добавление к этому улично-разговорному аргументу воспроизводится пёстрая смесь наречий, бытовавших в Покровске. Вот, к примеру, пассаж по поводу объявившейся там моды ставить электронные звонки.

Около некоторых кнопок висели вразумляющие объявления: «Прозба не дербанить в парадное, а сувать пальцем в пупку для звонка».

Но вернёмся к маленьким мятежникам, поднявшим восстание против педелей. Один из самых милосердных вариантов противостояния учителя и класса выглядит так.

Французенку нашу звали Матрёна Мартыновна Бадейкина. Но она требовала, чтобы мы её звали Матроной: Матрона Мартыновна.

До третьего класса она звала нас «малявками», от третьего до шестого – «голубчиками», дальше – «господами».

Малявок она определённо боялась. У некоторых малявок буйно, как бурьян на задворках, росли усы, а басок был столь лют, что его пугались на улице даже верблюды. Кроме того, от малявок, когда они отвечали урок у кафедры, так несло махоркой, что бедную Матрону едва не тошнило.

– Не подходите ближе! – вопила она. – От вас, пардон, несёт.

Неизмеримо более жёсткий вариант «подпольной войны», которую вели гимназисты, преподносит эпизод, когда уже в годы Первой мировой войны в качестве учителя математики появился «скучнейший акцизный чиновник, скрывающийся от мобилизации, Самлыков Геннадий Алексеевич». Ученики-патриоты заведомо негативно относятся к нему. И вот очередной урок.

Бац!!! За доской выстрелила печка... Трррах!!! Кто-то, зная ненависть Самлыкова к выстрелам, положил в голландку патроны. Учитель, бледнея, вскакивает. По классу ползёт вонючий дым. Учитель бежит за доску. По дороге он наступает на невинный комочек бумаги. Класс замирает. Хлоп!!! Комочек с треском взрывается. Педагог отчаянно подпрыгивает. Едва другая его подошва коснулась пола, как под ней происходит новый взрыв. Класс, подавившись немым хохотом, сползает со скамеек под парты. Взбешённый учитель оборачивается к классу, но за партами ни души. Мы извиваемся, мы катаемся от хохота под скамейками.

– Дрянь! – кричит в отчаянии учитель. – Всех запишу!!!

И он осторожно, на цыпочках, ступает к кафедре. Подошвы его дымятся. Он достаёт с кафедры табакерку – надёжное утешение в тяжёлые минуты, но в табакерку, которую он перед уроком оставил на минуте на подоконнике в коридоре, нами уже давно всыпан порох и молотый перец.

Самлыков втягивает взволнованными ноздрями понюшку этой жуткой смеси. Потом он застывает с открытым ртом и вылезавшими на лоб глазами. Ужасное ап-чхи сотрясает его.

Дверь в классе неожиданно растворяется. Мы встаём. Входит директор. Пальба в классе, хохот и орудийный чих педагога привлекли его.

– Что здесь происходит? – холодно спрашивает директор, оглядывая багрового педагога и великопостные рожки вытянувшихся гимназистов.

– Они... Ох!.. Ао!.. – надрывается Самлыков. – Чжихи!.. Ох!.. Чхицхи!..

– Геннадий Алексеевич, будьте добры ко мне в кабинет!

Чихая в директорскую спину, Самлыков плетётся за директором.

Больше в класс он уже не возвращается. Мы избавились от него.

К завершающим страницам первой книги в буффонную чехарду бесконечных проделок гимназистов постепенно всё ощутимее вторгаются тёмные моменты жизни тех лет – моменты уже далеко не детские. Драматические коллизии возникают в основном с началом Первой мировой войны, и они весьма болезненно отзываются на психике подрастающего поколения. Как-то соседская кухарка просит Лёву прочесть пришедшее с фронта письмо её сына.

Я вижу на конверте священный штамп «Из действующей армии». Почтительно принимаю письмо. Пропасть уважения и восторга скопилась в кончиках пальцев. Письмо оттуда! Письмо с войны! И я читаю вслух радостным голосом:

– «...и ещё, дорогая мама Евдокия Константиновна, спешу уведомить вас, что это письмо подписую не собственной рукой, как я будучи сильно раненный в бою, то мне её в лазарете отрезали до локтя совсем на нет...»

Потрясённый, я остаиваюсь... А мать его истошно голосит...

***

Эта серьёзная тональность становится доминирующей во второй части диалогии. Последний год Первой мировой войны, Февральская и Октябрьская революции, затем Гражданская война, голод и холод – суровая явь бесповоротно вторгается в существование детей, вытесняя фантазии Швамбрании и заставляя их включаться в реальную жизнь.

Забавное, весёлое, курьёзное есть и здесь, но его удельный вес несопоставим с тем, что было в первой книге. Один из таких сравнительно редких штрихов относится ко времени Гражданской войны, когда население Покровска было поголовно увлечено театром.

Однажды во время спектакля «Вечерняя заря» потухло электричество. Спектакль продолжался при керосиновом освещении. Шла заключительная сцена пьесы. Отец решил убить дочь. Отец взял револьвер.

В эти минуты я заметил, что лампа, стоящая на авансцене, сильно коптит. Пламя тоненьким фонтанчиком встало из стекла. Отец приблизился к дочери. Пламя уже доставало до края холицовой декорации. Отец поднял руку с револьвером. Декорация могла вспыхнуть каждую минуту. Дочь ломала руки. Я уверен,

что многие зрители видели, как грозила пожаром лампа. Но дочь упала на колени, и зрители молчали. Они боялись испортить убийство. Отец щёлкнул взведённым курком.

Декорация задымилась.

– Так умри же, несчастная! – крикнул отец.

– Лампа коптит! – закричал я, сбросив оцепенение.

Ловкий актёр нимало не смутился. Одной рукой он привернул фитиль, другой – закончил пьесу.

Театр был спасён. Но не успел упасть занавес, как соседи набросились на меня. Они твердили, что я мог обождать со своим дурацким криком, а теперь вот вышло не убийство, а какая-то комедия, за которую и денег платить не стоило.

Повзрослевшие герои повести встают лицом к лицу с пережившей жизнью, с её сложностью и суровостью. Коренной перелом, происшедший в судьбе страны, воспринимается в призме детского (и, конечно же, авторского) восприятия не только как неизбежное, но и как необходимое, даже желанное.

Диалог братьев с чекистами, которые по поступившему к ним «сигналу» провели дознание и вдоволь нахохотались над Швамбранией, призван объяснить читателю и смысл детской затеи, и замысел новой власти сделать так, чтобы реальная страна уподобилась выдуманной. Диалог этот начинается с вопроса чекистов: зачем ребятам всё это понадобилось?

– Мечтаем, – сказал я, – чтоб красиво было. У нас, в Швамбрании, здорово! Мостовые встоду, и мускулы у всех во какие! Ребята от родителей свободные. Потом ещё сахару – сколько хочешь. Похороны редко, а кино – каждый день. Погода – солнце всегда и холодок. Все бедные – богатые. Все довольны. И вшей нет.

Это, разумеется, видение Швамбрании с поправкой на ситуацию Гражданской войны, обернувшейся обилием трупов и тифозных вшей. Но это и психологическая «отмычка» к тому, зачем братья выдумали себе такую страну и так долго играли в неё. В том же разговоре, похвалив за чудесную, забавную выдумку, один из чекистов высказался в пользу реальной жизни.

– И у нас будут мостовые, мускулы и кино каждый день. И похороны отменим, и вшей упраздним. Только тут не мечтать надо, а работать...

И в послесловии к диалогии, написанном много лет спустя, автор говорит о своём посещении города детства – Покровска, переименованного в Энгельс. Пояснение к двум фразам приводимого ниже текста: «На месте, где земля закруглялась» – таким когда-то казался братьям край земли; «Аэропланы реяли, рокотали над городом, но я не видел заданных к небу голов» – то есть самолёты стали привычным явлением.

Город был незнаваем. На месте, где земля закруглялась, простирался прекрасный Парк культуры и отдыха. Пустырь, оставшийся после разрушения швамбранского дворца, застраивался домами Мясокомбината. Пробежал автобус. Торопились на лекции студенты трёх вузов. На бывшей Брежке выросли большие дома. Аэропланы реяли, рокотали над городом, но я не видел заданных к небу голов. Строились новый театр, клиника, библиотека. На горé красовался великолепный стадион. Утром отец повёз меня похвастаться новой больницей. Она ослепила меня блеском окон, полов, инструментов.

– Ну что, – говорил папа, наслаждаясь моим восторгом, – было в вашей Швамбрании что-либо подобное?

– Нет, – признавался я, – ничего подобного не было.

Так писатель утверждал превосходство новой яви над тем старорежимным, что довелось ему застать в детстве.

***

С диалогией «Кондуит и Швамбрания» в отечественную литературу вошёл большой детский писатель со своим, легко узнаваемым почерком. Его отличали увлекательное, динамичное, остросюжетное повествование, всегда последовательное и безупречно мотивированное, меткость и выразительность живого языка, великолепное чувство юмора и глубокое понимание мировосприятия детей и юношества.

В одной из своих книг, обращаясь к читателям, своё кредо он сформулировал так: «Мне очень хочется, чтобы из вас выросли сильные люди с отважным сердцем, ясной головой, умелыми руками и доброй душой, которая ни за что на свете не примирится со злом и несправедливостью».

Этой благородной цели в полной мере отвечали написанные после знаменитой диалогии повести «Череммыш – брат героя» (1938), «Дорогие мои мальчишки» (1944), «Улица младшего сына» (1949, совместно с М. Поляновским).

Второй из названных книг предшествует посвящение: *Светлой памяти Аркадия Петровича Гайдара*. Этим Лев Кассиль справедливо связывал своё творчество, посвящённое детям, с наследием недавно погибшего классика детской литературы, в том числе создавая в параллель гайдаровской сказке о Мальчише-Кибальчише свою чудесную сказку о стране Синегории.

В поисках страны Синегории автор едет в вымышленный город Затонск, который в его воображении связывается с городом детства – Покровском.

Недавно я был на Волге, в своих родных краях. У меня выкроилось немного свободного времени, и я решил съездить на денёк в Затонск...

Городок был небольшой и всем обликом своим очень напоминал тот, в котором я сам вырос. И, хотя я был в Затонске первый раз, мне всё казалось тут знакомым: и пески на Волге, заросшие ивняком, меж ветвей которого с лёгким звоном ветер нёс песчаные струйки, и акации вдоль кирпичных тротуаров, и горбатые землечерпалки в Затоне, и базар с каланчой.

Суть повести «Дорогие мои мальчишки» находится в прямом созвучии с повестью Гайдара «Тимур и его команда». И там, и здесь идёт противоборство хороших ребят с теми, кто оказался на обочине правильной жизни, с ловчилами и прохиндеями разного толка. И достойные по праву побеждают, добро торжествует. И торжествует вера в общую победу добра на земле, чему посвящены последние строки.

И вижу я, что совсем не так уж плохо живётся на свете, и снова верю, что отвага, верность и труд непременно победят, как бы ни упирался встречный ветер, как бы ни хлопотала гроза. Радуга ещё вскинется, обнимет мир, и всё будет хорошо, всё станет как надо, дорогие мои мальчишки!

Здесь упомянут «встречный ветер», поскольку в сказке о Синегории говорится о злых ветродуях, которые исковеркали жизнь этой страны, так что её жителям пришлось в конце концов подняться против поработителей, чтобы вернуть прежнюю счастливую жизнь. Вот начало этой сказки.

Была некогда такая страна Синегория. И там, у Лазоревых Гор, жили работающие и весёлые люди – синегорцы.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут живут Три Великих Мастера – славнейший Мастер Зеркал и Хрусталья ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник, мудрый Дрон Садовая Голова!

И т.д. Эта сказка стоит того, чтобы перечитывать её вновь и вновь. Так что в мечтаниях о счастливой жизни Кассиль, помимо Швамбрании, выдумал ещё две страны: Синегория и Джунгахора в книгах «Дорогие мои мальчишки» и «Будьте готовы, ваше Высочество!». Позднее все они собрались вместе в сборнике «Три страны, которых нет на карте».

***

К литературе для детей и юношества в известной мере примыкают книги Льва Кассиля, посвящённые спорту. Он был в этой области первопроходцем, и ему в ней принадлежат, пожалуй, лучшие произведения, разнообразные по тематике: «**Вратарь республики**» (1938) – футбол, «**Ход белой королевы**» (1950) – шахматы, «**Чаша гладиатора**» (1962) – о жизни русского богатыря, циркового борца. Все эти романы написаны с прекрасным знанием профессиональной специфики, которая подаётся без какого-либо выпячивания. Во вступительной главе ко второй из названных книг писатель излагает своё представление о сущности спорта, о главном в нём.

Спорт – одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью.

Детство главных героев романа «**Вратарь республики**» проходит опять-таки на Волге – в Покровске, а затем в Саратове, где в последующем разворачиваются многие события их жизни. В связи с этим даются прямые топографические пометки: «*На Немецкой заколочены витрины. У консерватории на перекрёстке пала лошадь... Это один из самых музыкальных городов в стране... Весной открылись Липки... В Затоне...*». И т.п. И ещё: «*В каждом хорошем городе есть свой заветный маршрут, обязательный для влюблённых. В Саратове он обычно начинался встречей на Немецкой и знакомством на углу консерватории. Первая прогулка пролегла через Липки...*».

В центре повествования – фигура богатыря-волжанина, парня огромного роста, могучей хватки и сноровки, который из грузчика вырос во всесветно известного вратаря и стал подлинным героем своего времени.

Впечатляет знание автором футбольной игры во всех её тонкостях и умение преподнести это знание ненавязчиво, доступно, «играючи». Как, к примеру, интригующе преподносится начало спортивной карьеры Антона, когда его в качестве запасного впервые выпустили на столичное поле.

Под свист трибун и ироничное топотанье на поле выбежал рослый атлет. Когда он вбежал в пустые ворота, все увидели, что он – гигант. Ему ничего не стоило, просто подняв руку, достать верхнюю штангу. Ворота как будто стали уже и теснее.

Он спокойно и хозяйственно осмотрелся, поправил сетку, притоптал большими ногами взрыхленный песок на площадке. Всем показалось забавным, как он рукой попробовал, крепки ли стойки ворот. Потом он прислонился к одной из стоек – статная машина в свитере, гетрах, наколенниках, локотниках и прочих футбольных доспехах – и принялся лущить семечки. Болельщики обомлели от такой наглости. Спокойствие и медлительность новичка оскорбляли зрителей.

Затем описывается, как к его воротам катится вал нападения команды соперников и как по воротам Антона пробивают неотразимый мяч.

– *Есть!* – закричали на трибунах.

Но за мгновение до этого вратарь, в котором мигом исчезла его вялость, сделал два упругих шага в сторону; точно угадав направление удара, он спокойно поднял левую руку. И тут все увидели нечто странное. С огромной силой пущенный мяч в верхнем углу ударился о поднятую широкую ладонь. Вратарь даже не качнулся. Он сделал пальцами лёгкое вращательное движение, словно ввинчивал мяч в воздух. Так ввёртывают лампочку... Мяч, на мгновение пропавший в полёте, стал снова видим в воздухе, у руки вратаря, будто вынутый из пустоты. Мяч не отскочил. Он как бы прилип, присох, присосался к недрогнувшей перчатке. На вратаря бежали, но он, шагнув навстречу, быстро отвёл руку и, размахнувшись, высоко над головами нападавших выбросил мяч. Мяч упал далеко за центром, куда редко кто из вратарей и ногой мог выбить.

И чуть погодя следующий ошеломляющий пассаж.

Каково же было изумление зрителей, когда огромная, хорошо сложенная фигура новичка пришла в движение и начисто заслонила ворота. Большое статное тело наискось, по диагонали, несло перед воротами, ныряло в ноги набегающей яростной гурьбе, скользило по земле, дотягивалось в самый последний момент до мяча, плюща его в чугунной хватке. Через пять минут Антона уже обожали.

Эволюция этого недюжинного характера предстаёт отнюдь не гладкой и далеко не в розовых тонах. Антон на определённом этапе не выдерживает испытания громкой славой, но с помощью друзей избавляется от мутной «накипи», которая отвергается естественным строем их большой трудовой жизни и духом коллективизма.

«Вратарь республики» – из лучших образцов отечественного «романа воспитания». Его конечный смысл – в раскрытии лучших, безусловно положительных и жизнеспособных сторон человека советской эпохи, что подаётся без какой-либо идеологической пелены. Поэтому и сейчас этот первый роман о спорте читается с неослабевающим интересом.

Таким в самых общих чертах видится облик одного из многих русских писателей XX века, подаривших свой Божий дар детям и юношеству.